

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА И ТИПОЛОГИИ ФЕОДАЛИЗМА НА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНГРЕССАХ ИСТОРИКОВ И ЭКОНОМИСТОВ В МОСКВЕ И ЛЕНИНГРАДЕ (1970)

З. В. УДАЛЬЦОВА

Доктор исторических наук (Москва)

Важнейшей особенностью рассмотрения проблемы средневековья на этих конгрессах было несомненное возрастание влияния марксистско-ленинской идеологии в мировой медиевистической науке. Это сказалось и в постановке широких теоретических проблем феодализма и в том, что в «противостоянии» марксистов и представителей буржуазной идеологии явный перевес был на стороне марксистов.

Ярким показателем возрастания интереса медиевистов к теоретическим проблемам явилось то, что главной темой «большого дня» медиевистов—19 августа стала проблема «феодализм как историческое явление, как социальное явление и как способ производства». Равным образом и на конгрессе по экономической истории в Ленинграде и Москве одной из проблем, привлечших внимание медиевистов, была проблема, рассмотренная в V секции: «Историческая эволюция форм феодальной собственности». И там и там в центре находилась проблема генезиса феодализма в различных странах и регионах мира. Это дает нам право рассмотреть постановку этого вопроса на двух конгрессах и попытаться сделать общие выводы. В Москве по указанной проблеме было обсуждено 6 докладов (4 ученых из социалистических стран и 2 историка из капиталистических государств; в Ленинграде—2 ученых из СССР).

Первый доклад на историческом конгрессе—З. В. Удальцов и Е. В. Гутнковой (СССР) «Генезис феодализма в странах Европы»—подводил итоги изучению этой проблемы в марксистской медиевистике и выдвигал типологию генезиса феодализма в Европе. В качестве основного критерия для выделения главных типов этого процесса были предложены как определяющие социально-экономические факторы и прежде всего взаимодействие элементов феодализма, вызревавших в недрах рабовладельческой формации и общинно-родового строя. Учитывалось воздействие классово-борьбы и государства на эти процессы. Признавалось значение и других факторов феодализации. На этой основе были выделены 3 типа генезиса феодализма в Европе: 1) тип т. н. «уравновешенного» синтеза, который нашел свое воплощение в Западной Европе в Северной Галлии, в Юго-Восточной Европе у некоторых юго-славянских народов; 2) тип, когда феодализм развивается на основе синтеза, но с явным превалированием античных начал—этот путь прослеживается в Византии, Италии, Южной Галлии и вестготской Испании; для него характерно длительное сохранение рабовладельческого уклада, римских форм собственности, античных городов и римской государственности; 3) тип—«бессинтезный» или с очень незначительными элементами синтеза, феодализм здесь рождается из родоплеменного строя варваров, минуя стадию развитого рабовладельческого общества; в Европе этот путь развития имеет значительное распространение, и его примером являются те регионы, которые не испытали римского господства—Северо-Западная Германия, скандинавские страны, области западных и восточных славян (Русь, Польша, Чехия); или те страны, где оно оказалось непрочным (Юго-Западная Германия и Британия). Отличительные черты третьего типа генезиса феодализма: слабость крупного землевладения и городов, отсутствие влияния римской государственности. В докладе была выдвинута гипотеза о том, что медленнее всего и в наиболее стертых формах генезис феодализма протекал на крайних полюсах типологического ряда—там, где генезис феодализма проходил с сильным пе-

ревесом позднеантичных начал при сохранении государства (Византия), и там, где позднеантичный элемент отсутствовал (Скандинавия, Англия, Германия, западные и восточные славяне).

В докладе кратко было сформулировано марксистское понимание сущности феодализма, подчеркивалось, что феодализм—всемирная, спонтанно развивающаяся формация.

Второй доклад—Димитр Ангелов (Болгария), «О некоторых проблемах социально-экономического развития Юго-Восточной Европы—во II—V вв. и перехода от античности к средневековью». В докладе рассмотрена в широком аспекте проблема зарождения и становления феодального строя в странах Юго-Восточной Европы. В нем освещены 3 периода истории Балканского полуострова: 1) доримский и римский, 2) переходный период к феодализму (IV—VI вв.), 3) генезис феодализма (VII—X вв.). По мнению докладчика, переходный период характеризуется упадком рабства, сохранением античных городов и этническими переменами. Наиболее важный третий период—формирования феодализма,— по мнению Ангелова, знаменуется коренными социально-экономическими и этническими сдвигами: крахом рабовладения и колоната, победой общины, массовым заселением Балканского полуострова славянами и другими варварами, концом государственного и политического единства под эгидой Византии и образованием первых юго-славянских государств.

Наиболее важными факторами феодализации наряду с социально-экономическими Д. Ангелов считает этнические и демографические сдвиги и создание государств. Поэтому он рассматривает вопрос об этнической основе государств южных славян и о формировании у них народностей и наций. Д. Ангелов подчеркивает, что при формировании словенской, сербской и хорватской наций наблюдаются лишь процессы ассимиляции славян с местным балканским населением и сплочение племен в некое единство. При формировании болгарской нации происходило два процесса ассимиляции: в VI—VII вв. растворялись фракийцы в массе славян, а затем, в VII—IX вв., совершалось слияние славян с протоболгарами. Протоболгарскому элементу Д. Ангелов отводит важное место в формировании болгарского государства и нации, но не отрицает значения и балканского субстрата. Конечные выводы, которые можно сделать из доклада Д. Ангелова: типологическими отличиями генезиса феодализма в Юго-Восточной Европе (собственно в пределах Балкан) являлись: 1) неравномерность развития прибрежных и внутренних областей, в первых сохранялись пережитки античности, крупная собственность, города, высокая культура, во вторых сильно было влияние общинно-родового строя; 2) феодализм формировался в борьбе с сильной государственной властью Византийской империи, что задерживало его развитие; 3) асинхронность процесса феодализации в данном регионе: раньше всех вступила на путь феодализации Византия, затем, в VIII—IX вв.,— Болгария, и позже, в X—XI вв.,— Сербия и Хорватия; 4) генезис феодализма проходил на Балканах в обстановке обострения классовой борьбы крестьянства, что нашло свое выражение в ересь павликиан и богомиллов.

Третий доклад — Дьердь Секен (Венгрия), «Исторические пути становления феодализма и варианты средневекового общества». Доклад носил историографический характер. Основная его задача состояла в том, чтобы показать превосходство новейшей марксистской историографии в области изучения эпохи средневековья над современной буржуазной историографией Запада. Превосходство марксистской историографии проявляется, на его взгляд, в следующих главных чертах: 1) Марксистская концепция в целом и концепция феодализма в частности является по сравнению с буржуазной более синтетической, охватывает более глубоко многообразие отношений между различными феноменами средневекового общества; 2) Ее отличие — изучение закономерностей исторического процесса, поэтому феодализм рассматривается во всемирно-историческом аспекте; 3) В ней последовательно проводится идея прогресса, мировой исторический процесс трактуется как гомогенный, динамический, связанный в единую систему; 4) Ей присущ универсализм—рассмотрение истории всех стран и народов, без различия рас и деления на великие и малые народы. Это особенно важно для

истории Азии и Африки, Восточной и Центральной Европы; 5) Социально-экономические формации с присущими им особыми способами производства—основные вехи на пути исторического прогресса—понимаются как живая, динамичная социально-экономическая, политическая и идеологическая система. Эти основные принципы марксистской историографии подробно иллюстрируются на примере изучения феодальной формации в различных странах и регионах мира. Широко показан типологический аспект проблемы. Отдается должное сравнительно-историческому методу, причем подчеркивается необходимость воздержаться от сравнения несравнимых, типологически различных процессов. Особо подчеркивается определяющая роль изучения социально-экономической истории средневековья и сочувствие к народным массам, которые проходят красной нитью в марксистской историографии.

Четвертый доклад—Генрик Ловмянский (Польша), «Социальные преобразования в Европе в XI—XII вв.». В докладе нарисована широкая картина перехода народов Центральной и Восточной Европы к феодализму. Показаны неравномерность и асинхронность этого процесса у народов, заселявших данные области, таких как славяне, балты, угро-финны (в том числе венгры), турки, иногда с иранскими реликтами (авары, хазары, болгары) и, наконец, валахи (предки румын). По мнению автора, именно славяне выдвинулись в раннем средневековье на первый план истории в этой части Европы. Славяне представляли определенную общность, отличались по своей структуре и динамизму развития. Но сами славяне как общность также не были однородны. Феодализм и феодальное государство складывались у славян в период с VI в. по XII в. Слабый ритм внутреннего развития наблюдался у угро-финских племен (за исключением венгров). С некоторым опозданием развивалась политическая и социальная структура балтов, и только в XIII в. литовцы создали мощное государство. Степные, преимущественно кочевые народы, турки по происхождению, характеризуются самой большой политической активностью и одновременно самой большой нестабильностью политической организации и расселения.

Процесс становления феодализма трактуется автором как явление, носившее всеобщий характер, и рассматривается прежде всего с точки зрения экономики, затем политики и идеологии. Наиболее детально рассмотрен социально-экономический аспект генезиса феодализма у славян, главным образом западных и восточных, прослеживается и процесс создания раннефеодальных славянских государств. Пунктирно намечены аналогичные процессы у других упомянутых выше народов. В заключении сделана попытка связать с генезисом феодализма идеологические сдвиги в жизни народов Центральной и Восточной Европы. Важнейшим явлением в идеологической сфере, подчеркивает автор, было принятие всеобщей религии—христианства у славян, ислама у степных народов, иудаизма у хазар. В докладе также дается определение понятия «феодализм» с марксистских позиций.

Пятый доклад—Сильвия Трапп (США), «Динамика средневекового общества». Автор ставит важную и сложную проблему—о динамике средневекового общества в целом, однако отбор факторов динамического развития произволен. Для раннего феодализма динамику общества определяет политический фактор «сегментация» (новый термин для обозначения феодальной раздробленности). Для классического и позднего средневековья—экономические и демографические факторы—рост городов и торговли и изменение народонаселения. Рассмотрев в историографическом аспекте новейшие теории складывания средневекового общества, С. Трапп останавливает свой выбор на теории «сегментных государств», которая, по ее мнению, помогает создать типологию развития в раннее средневековье в Западной Европе. Особенно она приложима к периоду распада империи Каролингов. Процесс непрерывной сегментации был обратным и иногда повторялся. Однако вне поля зрения автора остаются социальные причины «сегментации», механизм ее эволюции не раскрыт докладчиком. На наш взгляд, теория С. Трапп в целом отличается философским плюрализмом, недостаточное внимание уделено автором динамическому воздействию социально-экономических факторов, которые для раннего средневековья практически элиминируются.

Шестой доклад—Хисао Мацуока (Япония), «Особенности японского феодализма». В докладе этого видного японского историка (как и в докладе главы японской истори-

ческой школы Кохасиро Такахаси в Ленинграде¹) безоговорочно признавалось наличие феодализма в Японии. При этом и тот и другой исследователи исходят из понимания феодализма прежде всего как экономического, затем правового и политического явления, а отнюдь не политического *par excellence*, в отличие от некоторых исследователей на Западе. Роли государства в процессе формирования феодализма отводится видное место, но государство не считается определяющим элементом феодальной структуры. Проблема культуры и идеологии в докладах не рассматривалась. Главными критериями феодализации Мацуока считает отношения между феодалами и крестьянами. Он категорически отвергает узкое понимание феодализма как системы ленных отношений (связей) и подчеркивает распространенность в Японии представления о феодализме как о социально-экономической и политической системе. Кохасиро Такахаси же в своем докладе прямо отметил влияние советской средневековедки, в частности трудов академика Е. А. Косминского, на японскую историческую школу. Исходя из указанного определения феодализма, Хисао Мацуока излагает свою концепцию феодализма в Японии.

Докладчик выдвигает три главных отличительных особенности феодализма в Японии. Первая—замедленное развитие феодальных отношений. Основой развития феодализма в Японии был азиатский деспотизм, политическая структура «рицуре» (VIII—X вв.). Рабовладение в Японии не получило развития в силу двух главных обстоятельств: 1) основой японского земледелия являлось выращивание риса на небольших затопляемых полях, где применение рабского труда было нерентабельным; 2) географическая изоляция Японии привела к тому, что не было постоянного притока рабов и возможностей их захвата. Ввиду отсутствия развитого рабовладения Япония являла собой бессинтезный путь развития феодализма—феодализм вырастал из застойной азиатской общественной структуры, основанной на надельной системе (крестьяне получали наделы от государства, крестьянство лично свободно, но эксплуатируется государством, сохраняется семейная община). Изоляция Японии, отгороженной от мира морями, исключала внешние влияния, и вместе с тем сама Япония не оказывала воздействия на общественный строй других стран. Это определяло первую особенность японского феодализма—замедленность его развития. Японский феодализм долгое время существовал с весьма живучим правящим аппаратом предшествующей эпохи. Мацуока датирует оформление феодализма в Японии лишь концом XVI в.

Второй особенностью японского феодализма Хисао Мацуока считает позднее закрепощение крестьян. Причины запоздалого установления крепостничества в Японии Х. Мацуока усматривает не только в длительном существовании старых институтов эпохи азиатской деспотии, но и в сохранении свободного крестьянства и азиатской формы общины.

Третьей особенностью феодализма в Японии, по мнению докладчика, являлся централизованный характер государственной власти. Отношения между правителями и вассалами носили деспотический характер, государственная власть имела прочную финансовую опору, в ее руках длительное время находилось ядро общенациональной системы экономического обращения, монополия внешней торговли, контроль над городами и торговлей внутри страны.

Х. Мацуока выдвигает свою периодизацию средневековой истории Японии; 1) VIII—X вв.—период азиатской деспотии; 2) X—XVI вв.—зарождение феодализма; 3) XVI—сер. XIX в.—эпоха победы и господства феодализма. Забегая несколько вперед, скажу, что выступавшие по докладу Мацуока советские востоковеды К. З. Ашрафян и Г. И. Подпалова не согласились с некоторыми основными положениями доклада. К. З. Ашрафян полемизировала с Х. Мацуока по вопросу об азиатском способе производства. Она подчеркнула, что специфические особенности феодализма в Азии как формации не формировали в средние века особого способа производства, отличного от феодального. Кроме того она указала на недостаточность аргументации автора в отношении факторов, замедляющих в Японии процесс феодализации, наряду с отсутствием

¹ Такахаси Кохасиро, Распад феодального землевладения и социальное расслоение японского крестьянства.

внешних завоеваний, что нельзя считать главной причиной, она выдвигала как решающие моменты специфику условий сельскохозяйственного производства, длительное существование общины. Г. И. Подпалова отвергла периодизацию средневековой истории, предложенную Х. Мацуока. По ее мнению, процесс феодализации в Японии начался с VIII в. Период VIII—X вв. она трактовала как раннефеодальный, эпоху X—XV вв.—как период развитого феодализма, характеризующий возникновением крупных вотчин и вассалитета. В оценке третьего периода—с XVI до сер. XIX в. (эпоха Эдо) она согласилась с Х. Мацуока и расценивает его как феодальный период, последний этап истории феодальной формации.

Карол Горский (Польша) в выступлении по докладу Х. Мацуока подчеркнул, что этот доклад дает исследователям возможность увидеть не только основные специфические черты в положении знати в Японии и унастроения этого класса, но и открывает широкую перспективу изучения знати вообще.

Проблеме генезиса и типологии феодализма были посвящены два доклада советских ученых на конгрессе экономической истории в Ленинграде: доклад А. Р. Корсунского «Раннефеодальное государство и формирование феодальной собственности в Западной Европе» (повторен в Москве) и В. Д. Королюка «Раннефеодальная государственность и формирование феодальной собственности у восточных и западных славян (до сер. XI в.)». Оба эти доклада при всех их отличиях роднит постановка одной важной проблемы: выяснение механизма связи между сложением феодальной собственности и формированием раннефеодального государства. Эта проблема рассматривалась ими на материале различных регионов Европы, что позволило выявить как общие закономерности, так и специфику этого процесса у разных народов. В докладе А. Р. Корсунского содержалась марксистская дефиниция феодальной собственности, и было показано, что основой ее формирования служили имманентные силы общественного развития. Корни формирования собственности и классовой структуры раннего средневековья таятся в производстве. Государство не могло ни создать феодальной собственности, ни помешать ее возникновению. Однако государство активно способствовало развитию феодальной собственности. Активная роль государства в этом процессе проявлялась в ограничении дофеодальных форм собственности, в создании условий для осуществления вотчинниками внеэкономического принуждения крестьян (коммendaция, патронат, иммунитет), в подавлении сопротивления непосредственных производителей.

В. Д. Королюк дает несколько иную постановку вопроса. У него речь идет уже о своеобразной триаде—он прослеживает связь между становлением феодальной собственности, формированием раннефеодальной государственности и образованием народности у западных и восточных славян. Можно отметить общее и особенное в этих двух докладах. Общим является признание обоими исследователями экономической основы генезиса феодализма—в формировании феодальной собственности, и одновременно указание на сложность процесса и воздействие на него государства и этнических изменений. Отличие докладов состоит в том, что А. Р. Корсунский акцентирует главное внимание на экономических процессах в генезисе феодализма в Западной Европе. В. Д. Королюк же подчеркивает не только и не столько роль земельных пожалований в формировании феодальной собственности, но и даней-налогов, которые как «лены, выраженные в даях», предполагали, однако, возможность превращения суверенитета в верховную собственность на землю. В. Д. Королюк вообще склонен придавать большое значение в процессе генезиса феодализма таким факторам, как политика, демографические изменения, внешние завоевания, не отрицая, естественно, определяющей роли социально-экономических явлений.

Итак, доклады советских ученых на конгрессе историков в Москве и на экономическом конгрессе в Ленинграде убедительно показали не только важность изучения феодализма, но и всю сложность этого процесса, его отличия в раннефеодальных государствах Западной, Центральной и Восточной Европы. Их выступления дают прочную основу для дальнейшего уточнения типологических построений и помогут созданию типологии генезиса и развития феодализма в Европе.

Наиболее ярко противоположность методологических позиций историков-марксистов и немарксистов проявилась на историческом конгрессе в различном понимании ими определения феодализма. Западная точка зрения в предельно категорической форме была высказана в выступлении эксперта К. В. Холлстера (США), в смягченном виде в сообщении эксперта А. Штиклера (Ватикан) и в выступлениях Х. В. Хауснга (ФРГ), Дж. Э. Орчаса (Канада). По мнению Холлстера, в науке существует три интерпретации понятия «феодализм»: 1) марксистское понимание, 2) традиционное западное; 3) широкое, всеобъемлющее понимание Марка Блока. Согласно Холлстеру, марксистское понимание «феодализма» включает способ производства и систему классового конфликта феодалов и крепостных крестьян. С точки зрения марксистов феодализм—спонтанно развивающаяся универсальная система; западная традиционная точка зрения на понятие «феодализм», по мнению Холлстера, включает феодальную иерархию, право, государство, идеологию и культуру. Сам Холлстер является сторонником традиционного понятия феодализма, хотя и не игнорирует социально-экономических факторов. Вместе с тем Холлстер выступал против признания феодализма универсальным историческим феноменом. Теории «универсальности» феодализма, по его мнению, противоречили некоторые положения, имеющиеся в первом докладе. Авторы доклада якобы отрицали наличие феодализма в англо-саксонской Англии вплоть до XI в. А между тем там существовали крепостная зависимость, военная служба, основанная на земельном держании и большое число зависимых крестьян. С другой стороны, докладчики доказывали, что феодализм господствовал в Византии и Китае, хотя в Византии не было развитой феодальной иерархии, вассальной армии, субинфеодации и т. п. и сохранялось централизованное государство. Такие явления в модифицированной форме, по его мнению, сохранялись и в Китае. Таким образом, по мнению Холлстера, нельзя отрицать наличия феодализма в англо-саксонской Англии, но также якобы невозможно признавать его в Византии и Китае. Только в одной Японии, утверждал Холлстер, существовало феодальное общество, сходное с западноевропейским, и только его можно назвать феодальным, хотя и в феодализме Японии (как показал Х. Мацуока) были отличия от Западной Европы, которые Холлстер усматривает в отсутствии «взаимности» в отношениях сюзерена и вассала.

Другой эксперт А. Штиклер попытался выдвинуть собственное толкование понятия «феодализм». Он призывал к разграничению «узкого» и «широкого» толкования этого термина. В широком понимании феодализм, по его мнению, такой исторический феномен, когда с ростом или упадком жизненной и производственной мощности центральная власть еще или уже недостаточно действенна и осуществляет управление над объединением самостоятельных частей, которые соединяются личными и вещными узами взаимных интересов. Специфические особенности или превалирование то личных, а то вещных связей оказывает влияние на тип феодализма.

Феодализм в таком широком понимании, по Штиклеру, определяет все сферы жизни человеческой общности: государственную и политическую структуру, экономику, право, войско, культуру и в какой-то степени даже религию.

Феодализм в широком понимании представляет собой всеобщее, универсальное явление, он был везде и всегда, где существовали вышеуказанные условия. С точки зрения Штиклера можно говорить об европейском, азиатском, «племенном» феодализме, о феодализме в древности, в средние века и даже в новое время. Принимая во внимание интегрирующую функцию феодализма, его нельзя отождествлять с отдельными областями жизни (формой правления, политикой, формами производства и экономики, общественными или социальными явлениями, армией, правом). Если одна из сторон жизни имеет местное или временное преобладание, то это является выражением лишь характера феодализма. Феодализм невозможно усматривать в одной из таких преобладающих черт, а необходимо охватывать всю жизнь человеческой общности, тогда это будет феномен.

«Узкое» понимание феодализма А. Штиклер идентифицирует с традиционным западным, построенным по образцу западноевропейской модели феодального общества, и решительно призывает отказаться от подобного определения. При этом он подчер-

кивает, что именно широкое определение допускает и даже предполагает наличие многочисленных и временных видов.

Вторую часть своего выступления А. Штиклер посвятил освещению роли католической церкви в развитии феодального общества. Этот вопрос он трактовал в двух аспектах: 1) духовное влияние церкви на «личностные» связи, 2) вещные отношения церкви и их роль в феодальном обществе.

Западногерманский ученый—медиевист и византинист Ганс Хаусиг высказал свою довольно путаную точку зрения на определение понятия «феодализм» и на проблему формирования феодального общества. Он выступил с теорией существования особых «феодальных» народов, иными словами, «носителей феодализма». У некоторых народов мира, по его мнению, отмечается наличие длительного периода существования общественного порядка с чертами феодализма. Этот общественный строй Хаусиг характеризует не как чистый феодализм, а как протофеодализм. Примерами подобного явления он считает кочевой феодализм монголов, иранское общество от Ахеменидов до конца Сасанидов (более 1000 лет) и тацитовскую Германию, где черты феодализма он усматривает в противостоянии знати бедным свободным и рабам.

Подлинный феодализм, по Хаусигу, формируется тогда и там, когда и где эти «протофеодальные» народы попадают на территорию государства, имеющего тенденцию превратить денежные отношения в натуральные. Примерами такого рода являются: 1) армяно-иранский элемент войска, который феодализировал фемный строй в малоазийских провинциях Византии в VII—IX вв.; 2) в Западной Европе это германцы, принесшие свой протофеодальный строй в Италию и другие области. Причиной феодального развития в Малой Азии и в Италии явился переход от денежного хозяйства к натуральному, при котором при передаче земли в пользование крестьянам плата за нее взималась не в деньгах, а в форме позднеантичного эмфитевсиса.

Канадский ученый Дж. Орчас полагает, что сутью проблемы понятийного определения «феодализма» является признание «узкого» или «широкого» понятия феодализма. При этом он отказывается от слишком широкого понятия, которое, по его мнению, бессмысленно. Он признает, что при феодализме существуют такие явления, как сложная военно-ленная организация при незначительной роли денежных отношений. Крепостное право является неизбежным спутником феодализма как его экономическая основа. Но можно ли отождествлять крепостничество с феодализмом, Орчас не знает. Эталоном «чистого» феодализма он все же считает западноевропейский феодальный строй, которому свойственны: 1) соединение понятий вотчины и бенефиции и наличие вассалитета; 2) взаимные обязанности господина и вассала. Модель «чистого» франкского феодализма распространилась на Каталонию, Нормандию, Англию, Южную Италию. Орчас, специалист по истории русского средневековья, естественно, поднимает в своем выступлении проблему русского феодализма (впервые поставленную Павловым-Сильванским и развитую в советской историографии). Он не дает прямого ответа на вопрос—был или не был феодализм в России. Но его логические умозаключения приводят к выводу, что феодализма по западноевропейскому образцу, или «чистого» феодализма, в России не было. Канадский ученый аргументирует свою точку зрения тем, что: 1) русская поместная система не включала в себя соединения вотчины и бенефиции. Прибегая к историческим аналогиям, он утверждает, что различие между византийской пронией и западноевропейским феодем было столь же глубоким, как между русским поместьем и феодем в Западной Европе. Русская знать по своей социальной природе не была тождественна западноевропейскому баронству, она была создана самодержавием и никогда не достигала положения особого сословия в государстве. Параллельно Орчас ставит вопрос—был ли самодержец в России независимой силой или лицом, возглавлявшим господствующий класс? Но ответа на этот вопрос канадский ученый не дает. Конечный вывод Орчас сводится к тому, что «феодализм» в применении к России надо понимать иначе, чем в применении к Западу. Уточнение понятия «феодализм» поможет решить проблему русского феодализма. Из сказанного видно, сколь противоречивы и путаны определения феодализма, выдвинутые в марксистской науке.

С ошибочным, путанным пониманием феодализма были связаны некоторые положения в выступлении третьего эксперта Сайеса Санчеса (Испания). По его мнению, в Кастилии в XIII в. феодализм еще не сложился, так как там не было крепостничества. С его точки зрения это было общество нефеодальное, хотя в нем и существовали отдельные феодальные институты, в частности сеньориальный строй.

Марксистское понимание феодализма во весь голос прозвучало в подавляющем большинстве выступлений на конгрессах. О понимании феодализма в свете марксистской теории специально говорили: эксперт Э. Вернер (ГДР), Антал Барта (Венгрия), Б. Ф. Поршнев, М. А. Барг и Е. В. Гутнова и З. В. Удальцова в заключительном слове по первому докладу.

Эрнст Вернер определяет феодализм как общественную формацию, которой свойственна более высокая динамика, чем предшествующим эпохам—первобытнообщинному и рабовладельческому обществам. В динамике феодального строя первостепенное значение, на его взгляд, имеют взаимоотношения между городом и деревней. Э. Вернер опирается при этом на положение К. Маркса, что вся экономическая история общества отражается в движении этой противоположности. Феодальная Европа выросла из деревни, и город здесь был более основательно отделен от деревни, чем на Древнем Востоке, в Греции и Риме. На место невыразительного единства города и деревни в античном мире в средние века приходит ярко выраженная противоположность, в которой деревня первоначально доминирует, но затем создаются предпосылки для перемены ролей, что достигает своей высшей точки при капитализме. Глубокие изменения структуры феодального общества вытекали из перемен в отношениях города и деревни, однако общей динамике мешала замкнутость обоих полюсов. Когда она была преодолена, то произошел качественный скачок к капитализму.

Антал Барта, признавая определяющее значение социально-экономических факторов, подчеркивает, что феодализм характеризуется множеством других явлений, политического, идеологического и культурного порядка. Нельзя забывать—и в этом он солидаризируется с Д. Секеи—и все многообразие вторичных социальных и экономических признаков феодализма. Вместе с этим А. Барта предостерегает исследователей от бескрылого плюрализма. Кардинальной методологической задачей всегда остается выделение из этого множества главных черт феодализма. Особенно опасно вторичные признаки считать главными. В качестве иллюстрации своей мысли А. Барта приводит роль христианства в генезисе и развитии феодализма. Никто не может оспаривать, что христианство играло немаловажную роль в истории феодальной Европы. Но нельзя забывать и того, что христианство родилось еще до возникновения феодального строя и вскоре же распалось на несколько направлений. Какое же из этих направлений было характерным именно для феодального общества, какое его укрепляло, а какое расшатывало? Таким образом, не христианство создало феодализм. Оно лишь придало определенный облик обществу и культуре феодальной Европы.

Б. Ф. Поршнев в своем выступлении, носившем теоретический характер, отметил, что термин «феодализм» используется в разных смыслах. Этот термин должен трактоваться во всем объеме, аналогично понятию «капитализм». Б. Ф. Поршнев подчеркнул, что в своей книге «Феодализм и народные массы» он показал, что феодализм—это синтетическое, многогранное явление, основу которого составляет особый способ производства, то есть особая система экономических отношений, хотя и с большим диапазоном крайних проявлений. Экономика и вся надстройка феодализма, включая государство, религию, психологию, связаны в единство общим свойством: антагонизмом, который пронизывает феодальное общество, так как он заложен в экономических отношениях производства, собственности, эксплуатации и распределения. Феодализм—динамическое понятие, целая эпоха со своим генезисом, подъемом, нисходящей линией, которая тождественна генезису капитализма.

М. А. Барг пришел к выводу, что дискуссия обнаружила отрадный факт: все большее число историков-немарксистов освобождается от узкоюридической, политической или иных односторонних интерпретаций сущности феодального строя, стремясь к познанию средневекового общества как целостности. При определении понятия «феода-

лизм» он предлагает провести строгое различие между локально-временной формой явления и его сущностью. Универсально-исторический характер феодализма следует понимать в двух смыслах: 1) всеобщности в рамках каждого данного общества; 2) всемирно-исторической эпохи, то есть общественно-экономической формации. Главный путь к познанию универсализма феодализма—путь теоретический, образец которого заключен в «Капитале» Маркса. Он состоит в том, что содержание понятия не расширяется до бесконечности, а, наоборот, суживается до того, пока обнаруживается такой субстрат отношения, который может быть объяснен в своем круговороте и механизме без привлечения всех иных факторов. По мнению М. А. Барга, это единственный путь образования подлинно научных абстракций.

Докладчики (авторы первого доклада) в своем заключительном слове, полемизируя с Холлистером, Штиклером, Хаусгом, Орчасом и др., указали на то, что те понимают марксистское определение феодализма слишком упрощенно. Как в докладе, так и во всех выступлениях историков-марксистов феодализм отнюдь не сводился к одним только экономическим отношениям, выраженным в способе производства.

Крупнейший византинист современности Георгий Острогорский (Югославия) поставил в своем блестящем выступлении на конгрессе ряд принципиальных вопросов по поводу особенностей феодализма в Византии. Прежде всего он выразил свое несогласие с оценкой византийской общины как источника феодализации. По его мнению, община была скорее жертвой этого процесса: с ростом крупной земельной собственности община распадалась и закрепощалась. Во-вторых, он полагал, что проблема континуитета античных институтов очень сложна и требует дополнительного изучения. Если в какой-то мере можно говорить о континуитете городов и городской жизни, то относительно рабовладения нужно проявлять большую осторожность. Феодализм в Византии не является прямым продолжением рабовладельческого строя. Г. А. Острогорский возражал также против понимания в первом докладе византийской прониции. Он не принял тезис о том, что прониция первоначально была пожалованием феодалу определенной квоты налогов, а затем уже и земельного владения. С его точки зрения прониция с момента ее возникновения являлась земельным пожалованием. Мы в заключительном слове полемизировали с Г. А. Острогорским по всем указанным вопросам.

Марксисты трактуют феодализм как социально-экономическую формацию, которая представляет собой сложную систему различных отношений—экономических, социальных, политических и идеологических. Расхождения историков-марксистов с их оппонентами, учеными Запада, состоят отнюдь не в признании или непризнании феодализма как комплексного явления; эти расхождения состоят в том, что марксисты, в отличие от немарксистов, признают определяющую роль производственных отношений и классовой борьбы в возникновении и динамике этой комплексной системы, этого общества. Е. В. Гутнова подчеркнула, что она не может согласиться с заключением проф. Холлистера о том, что марксово понимание феодализма якобы устарело. Даже на базе исторических знаний, доступных Марксу и Энгельсу в их время, они нигде и никогда не сводили феодализм к его чисто экономической основе, придавая (как они это делали в применении к капитализму) большое значение социально-политическим явлениям, выросшим на почве этой экономической структуры. Полемизируя по вопросу об универсальности феодализма, докладчики указали, что представление об универсальном характере феодального строя не является голой абстракцией, а подтверждено огромным конкретно-историческим материалом из истории самых различных стран и народов, исключения из этого правила встречаются очень редко. Мы на примере развития феодализма в Византии подчеркнули, что феодализм является не только в известной степени универсальным явлением, но и явлением стадийным, отражающим закономерную стадию развития человеческого общества.